

**«Учитель искусен», а не «идол злат, но бездушен»:
каким свт. Димитрий Ростовский желал
видеть приходское духовенство**

А. О. Крылов

Раннее Новое время стало для Европы временем великих религиозных преобразований. В католической и православных церквях ключевыми фигурами в деле введения новых религиозных норм были, прежде всего, деятельные архиереи, преисполненные решимости воплотить на практике в своих диоцезах решения, принятые церковными соборами различного уровня. При этом основное внимание в своей реформаторской деятельности архиереи обращали не непосредственно на мирян, а на приходской клир. Согласно известной поговорке «каков поп, таков и приход», от того, как пастырь будет пасти свою паству, зависел, в конечном счете, и духовный облик народа. Ведь именно приходской иерей был тем представителем церковной иерархии, который непосредственно соприкасался с миром. Образованные и дисциплинированные клирики должны были воспитывать паству в добродетелях и неукоризненно преподавать ей Таинства — так, и только так можно было добиться той цели глубокого и всенародного усвоения веры, к которой стремились лучшие церковные деятели раннего Нового времени.

Когда свт. Димитрий взойшёл на Ростовскую кафедру в 1702 г., он в первую очередь радел о том, как взрастить истинных пастырей в своей новой епархии. Естественно, что новый владыка не начинал с чистого листа, но опирался на опыт предшественников. Митр. Димитрий Ростовский был одним из первых малорусских архиереев, поставленных на великорусские епархии. За ним стояла мощная могилянская традиция, имевшая более чем полувековой опыт преобразования религиозной жизни западно-русских земель. Такие столпы Киевской митрополии второй половины XVII в., как Лазарь Баранович и Варлаам Ясинский, были непосредственными учителями и наставниками владыки Димитрия. С другой стороны, Димитрию Савичу в Ростове предстояло стать продолжателем дела своих великорусских предшественников, способствовавших тому, что в Ростово-Ярославской земле с середины XVII столетия отмечалось усиление религиозности в народе¹.

Программа реформы малорусской православной церкви начала осуществляться свт. Петром Могилой (1632–1647 гг.). В поисках пути разрешения конфликтов и противоречий раннего Нового времени он постоянно обращался к личности Иисуса Христа, подчеркивая, что Христос как Богочеловек является

¹ Горшкова В. В., Добрякова О. И., Полознев Д. Ф., Рутман Т. А. Религиозный опыт прихожан русского города XVII — первой четверти XVIII века (по материалам историко-культурной хроники приходской жизни Ярославля) // Человек между Царством и Империей. С. 429–450.

единственным посредником между Творцом и людьми. Христос своей любовью соединяет людей, перед Ним равны все чины и сословия. Поэтому гармонизация общественных отношений возможна только в том случае, если человек будет взаимодействовать со Христом и стремиться уподобиться Ему. При этом «наиболее совершенным проявлением сотрудничества человека со Христом, консолидирующим общество, для митр. Петра Могилы остается пребывание в Его Теле, то есть в Церкви»².

Не случайно первым сочинением, написанным им тотчас же после вступления на пост киево-печерского архимандрита, стала творческая переработка «Подражания Христу» Фомы Кемпийского, озаглавленная: «Книга Души, именованная Злото»³. Этот труд был предназначен в первую очередь священникам, поэтому авторские исправления и добавления касались именно обязанностей клириков. Свое понимание цели деятельности иерея свт. Петр Могила выразил так: «Великое есть дело в монастыре жить, душу свою спасать. Но более важное дело — среди общин людских проживать, подавая набожный пример всем, учением божественным и других спасать, и там без нареканий с ними общаться, и до смерти верно стоять. Благословен тот, что там достойно жил и ко счастливому концу пришел»⁴. Остальные же идеи «Книги Души» могут быть выражены в двух цитатах из неё: «Тело Христово и писание Священное наиболее душе верной нужны»⁵ и «Не пренебрегай Святым Причастием, но иди как можно скорее исповедуйся»⁶. По мысли митр. Петра Могилы, «прежде всего, метафизическое “наследование Христа” осуществляется в таинствах, которые превращают внутреннюю сущность человека согласно Христовой идеальной мере»⁷. Таким образом, главной задачей священника становится воцерковление паствы в первую очередь через таинства Исповеди и Причастия, а также — через проповедь.

«Книга Души» завершалась воздыханием о небрежении духовенства: «послали нас за яблоками, а мы листья несём»⁸. Закономерно, что и деятельность, которую свт. Пётр Могила стал осуществлять, взойдя на митрополичью кафедру, главным образом была направлена на преобразование облика приходского духовенства.

Основное внимание владыка Пётр уделял образованию приходских клириков, которое должно было сообщить им необходимые знания, а также

² Головащенко С. Н. Христология Петра Могилы в контексте реформ Киевской митрополии 30–40 гг. XVII в. // Православие Московской Руси и Украины в XV–XVII вв. М., 2012. С. 265.

³ Единственный сохранившийся список в качестве даты написания указывает 1623 г., но более вероятной датировкой является 1628 г. См.: Шарипова Л. Сокровищница бессмертия: Пётр Могила и его сочинение «Книга души нарицаемая Злото» // *Петро Могила, свт. Книга Душі, йменована Злото*. Киев, 2007. С. 357.

⁴ *Петро Могила, свт. Книга души...* С. 117.

⁵ Там же. С. 281.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Головащенко С. Н. Христология Петра Могилы... С. 264.

⁸ Там же. С. 249.

внушить новые стандарты поведения. Отсюда требование, чтобы священники посылали своих сыновей для обучения в Киево-Могилянский коллегиум; тех же иереев, кто не имел школьного образования и не мог пройти специального экзамена, оставляли для полугодового обучения при архиерее⁹. Была создана и многоуровневая структура контроля за исполнением священниками своих обязанностей¹⁰. Киевский собор 1691 г., состоявшийся через столетия после собора 1640 г., продолжил курс на религиозное дисциплинирование, взятый при митр. Петре Могиле. Деяния собора 1691 г. обращены к приходскому духовенству. В них говорится о необходимости письменной регистрации крещений и браков, однако основное внимание уделяется таинствам Исповеди (как мирян, так и священников) и Причастия. При этом акцент делался не столько на контроле за регулярным совершением таинств, сколько на том, как эти таинства должны были совершаться. Так, инструкцией для совершения таинства Покаяния служил труд «Мир с Богом человека» печерского архимандрита Иннокентия Гизеля, иметь который — целиком или в рукописных отрывках — предписывалось каждому иерею. Также в 5-й заповеди соборных постановлений священникам вновь предписывалось отправлять своих детей для учебы в киевский коллегиум¹¹.

Помимо официальных постановлений, священноначалие заботилось об интеллектуальном и духовном облике приходского духовенства, поощряя выпуск сочинений, призванных помочь пастырю в его служении. К ним относились труды, посвященные изъяснению веры, таинств, пособия по гомилетике и т.д.

Следует отметить, что в своих поисках идеальной организации приходского духовенства свт. Петр Могила и его преемники несомненно оглядывались на успешный опыт Католической церкви, достигшей на этом поприще в XVI—XVII вв. значительных успехов и потому служившей примером для подражания для западнорусских православных иерархов еще с конца XVI в.¹² Основные идеи католической Реформы были сформулированы на Тридентском соборе, который, опровергая протестантскую доктрину всеобщего священства верных, особо подчеркнул роль священника как носителя сакральных функций, являющегося совершителем таинств и в первую очередь — Евхаристии. Там же было заявлено о необходимости систематического обучения будущих клириков в семинариях¹³.

Таким образом, к концу XVII в. в Малорусской церкви существовал доста-

⁹Лифос // АЮЗР. Ч 1. Т IX. С. 162–163.

¹⁰Там же. С. 485.

¹¹ Киевский собор 1691 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1865. № 8. Отд. 2. С. 319.

¹² Турилов А. А., Флоря Б. Н. К вопросу об исторической альтернативе Брестской унии // Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII вв. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1997. С. 49.

¹³The Council of Trent. The canons and decrees of the sacred and oecumenical Council of Trent. Ed. and trans. J. Waterworth. London, 1848. P. 171–178; 187–190.

точно цельный взгляд на то, каким должен быть истинный пастырь. Идеальный иерей Киевской митрополии в эпоху свт. Димитрия Ростовского — это клирик, получивший образование в Могиланской коллегии, имеющий библиотеку, составленную как из славянских, так и из латинских книг¹⁴, регулярно исповедующий и причащающий своих прихожан, умеющий сказать толковую проповедь.

В Великорусской церкви в XVII в. также ощущалась потребность в обновлении приходской жизни, хотя, в отличие от Киевской митрополии, здесь так и не было выработано четкой программы по подготовке духовенства, способного ответить на вызовы новой эпохи. «Ревнители благочестия» 1630–1640 гг., были, главным образом активными приходскими священниками, выступавшими за преобразование церковной жизни. Их идеалом пастыря был красноречивый проповедник, ведущий благочестивую жизнь, бескомпромиссно борющийся с невежеством и греховностью прихожан. Новаторство «ревнителей» заключалось, прежде всего, в том, что они проповедовали публично и учили весь народ: до них такая роль отводилась лишь архиереям, в то время как приходской священник мог поучать лишь своих непосредственных духовных чад¹⁵.

Усилия «ревнителей благочестия» по борьбе с церковными нестроениями были поддержаны царём Алексеем Михайловичем в конце 1640 гг., что выразилось в ряде указов, имевших религиозно-дисциплинарную направленность и призывавших, помимо прочего, регулярно приступать к таинствам Исповеди и Причастия¹⁶. Не оставались равнодушными и инициативные архиереи и священники. Ярким примером одного из них служит предшественник свт. Димитрия, Ростовский митрополит Иона Сысоевич. Вступая на кафедру в 1652 г., он обратился к епархиальному духовенству с посланием, в котором советовал священникам: «а как прилучится вам прочесть от божественнаго Писания поучение, тогда б один почитал, а другий за ним толковал, или кто может чести да толкует сам, чтоб простым людям было что прияти от вам»¹⁷. Помимо этого, священники должны были служить единогласно и «не борзяся». Уделяет внимание Ростовский владыка и совершению таинств, причём, если архимандритам и игуменам повелевается, дабы «на всякий год старцов и мирских людей сподобляли бы по трижды к покаянию и к причастию, или колико мощно им», то от приходских священников требуется лишь следить, что «никто не был без отца духовного и без покаяния»¹⁸. Особое увещание митрополит направляет против порока пьянства. Содержание наставлений других инициативных архиереев второй половины XVII в. — таких, как свт.

¹⁴ Нельзя не вспомнить, что ряд книг из личной библиотеки митр. Димитрия был приобретен им у малорусских священников.

¹⁵ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ / Русская история и культура. М., 1999. С. 34.

¹⁶ Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы. М., 2004. С. 51; ААЭ. Т. 4. № 115. С. 161.

¹⁷ АИ. Т. 4. № 62. С. 174.

¹⁸ Там же. С. 175.

Митрофан Воронежский или Афанасий Холмогорский, — было схожим¹⁹.

Большой Московский собор 1667 г., озабоченный «расколом», возложил основную тяжесть борьбы с ним на приходское духовенство, обязав клириков учитывать приступающих к таинствам и записывать их в специальные книги²⁰. В эту эпоху сказывается и влияние малороссийской литературы для пастырей, проникающей в Великороссию.

Таким образом, в Великорусской церкви с середины XVII в. церковные власти так же, как и в Киевской митрополии, увещевают приходское духовенство проявлять большую активность в деле проповеди и совершения таинств Исповеди и Причастия, хотя, в отличие от Малороссии, речь никогда не шла о целенаправленной подготовке духовенства, тем паче — подготовке некоего нового поколения, но, скорее, — о призывах клириков исполнять хорошо известные им обязанности надлежащим образом: «ревнители благочестия» и их позднейшие подражатели не стали «ролевой моделью», к воспроизведению которой среди рядовых приходских священников священноначалие бы целенаправленно стремилось. В целом борьба с «расколом» способствовала тому, что основным требованием, которое предъявлялось к приходским священникам, была их возможность осуществлять контроль за религиозной жизнью прихожан.

Таким было наследие предшественников свт. Димитрия Ростовского. Но какими же были взгляды самого Ростовского владыки?

Наиболее развёрнуто свой взгляд на качества, желательные у пастыря, свт. Димитрий излагает в «Летописе Келейном». Это сочинение писалось в качестве «келейного чтения» для избранных людей, в первую очередь — учеников Ростовского училища, большинство из которых готовились стать священниками²¹. Хронологическое изложение событий всемирной истории предоставляло автору возможности для пространных поучений на различные темы, среди которых были и рассуждения о священстве. Основой для них стали классические тексты восточной патристической традиции, преимущественно «слово о священстве» свт. Иоанна Златоуста²². Основываясь на них, Ростовский владыка выводит три основных качества истинного иерея: быть учительным в слове, святым по жизни и иметь попечение о пастве.

Латинские авторы из библиотеки свт. Димитрия Ростовского также оказали определенное влияние — впрочем, весьма незначительное — на поучения о священстве в «Летописе». Наиболее ярким примером такого влияния является фрагмент из проповеди иезуита Фомы Млодзяновского, в которой дурной правитель сравнивается с идолом. Польский проповедник, толкуя слова Псалтыри: «променяли славу свою на изображение вола, ядущего траву» (Пс. 55: 20), сравнивает плохих правителей с идолом тельца, который был «божок, кото-

¹⁹ Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. М., 2002. С. 304–305.

²⁰ Там же. С. 298.

²¹ См.: Калугин В. В. «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского // Альманах библиофила. М., 1983. Вып. 15. С. 170–172.

²² Димитрий Ростовский, свт. Сочинения. Т. IV. С. 252–256.

рому надо было все давать, носить, а он только всё брал и поглощал. Вот так умеют поступать эти плохие правители, эти тельцы, алчные на чужое добро, чужое сено»²³. Свт. Димитрию понравился этот пассаж, однако он послужил для Ростовского митрополита источником вдохновения для рассуждений не о расточительных правителях, а о нерадивых пастырях.

Начиная с того, что в одном из переводов библейской книги пророка Захарии слова: «О пасущий суетная и остальшии овцы» (Зах. 11: 17) звучат как «О пастырю и идоле!», свт. Димитрий толкует это выражение в русле рассуждения Млодзяновского. Опираясь на толкования свв. Киприана и Амбросия²⁴ о том, что израильяне изваяли не всего тельца, а лишь его голову, поедающую сено, свт. Димитрий делает развернутое сравнение ленивого пастыря и идола-тельчей головы: «Идол злат и честен ради злата; и пастырь злат саном и честен ради пастырского сана. Идол злат, но бездушен; и пастырь, не имеющий духа усердия к овцам, как бы бездушен. Идол не имел рамен и не носил ига на вые своей; и пастырь, не носящий, как подобает, возложенного на него бремени, также как бы не имеет рамен, не может быть впряженным в иго Христово. Идольское изображение имело вид не трудящегося, а только ядущего тельца; и пастырь, который не подымлет на себя подобающих ему трудов, а только питается даром богатыми трапезами, есть как бы ядущий телец, и потому подобен златому идолу тельчому. И не напрасно говорится такому пастырю в Писании: “О пастырю и идоле!”»²⁵.

Это пример в очередной раз демонстрирует метод работы свт. Димитрия с католическими источниками, использовавшимся как источник святоотеческих цитат, и интересных суждений, которые, по большей части, служили отправной точкой для собственных размышлений Святителя.

Любопытно, что в принадлежавшем ему тексте «Комментариев к Евангелию от Матфея» католического экзегета Корнелия а Ляпиде свт. Димитрий Савич особо выделил заинтересовавшие его рассуждения латинских богословов Бернарда Клервосского и Роберта Беллармина о тяжести епископского служения и о том, сколь много взыскивает Бог с архиереев²⁶. Эти мысли, лежащие в русле традиционного святоотеческого богословия, повторяются в «Летописе», однако свт. Димитрий ссылается на толкования свт. Иоанна Златоуста на апостольские деяния и послания, а также на сочинения свт. Григория Великого²⁷. Известно также, что в библиотеке свт. Димитрия был труд «Наставления Священникам» иезуита Франциско Толети. Книга была приобретена Димитрием Савичем в 1706 г., владельческих помет в тексте нет, равно как

²³ Цит. по: Янковска Л. А. Литературно-богословское наследие свт. Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв. Рукопись диссертации на соискание степени доктора филологических наук. М., 1994. С. 156.

²⁴ Также цитируемые по сочинениям католических авторов Корнелия а Ляпиде и Ф. Млодзяновского. Янковска Л. А. Литературно-богословское наследие... С. 156.

²⁵ Димитрий Ростовский, свт. Сочинения. Т. IV. С. 261.

²⁶ Янковска Л. А. Литературно-богословское наследие... С. 171–172.

²⁷ ОР ГИМ. Син. 53. Л. 310–316.

нет и ссылок в произведениях Святителя на неё²⁸. Можно предположить, что, хотя свт. Димитрий и интересовался вопросами истинного пастырства, однако в последние годы жизни он уже не мог уделять им особого внимания. Таким образом, свт. Димитрий в своих рассуждениях об образе жизни священников никак не выходит за рамки православной традиции, акцентируя внимание главным образом на нравственные качества священника.

Развернутую картину взглядов митр. Димитрия Ростовского на «идеального священника» нам даёт устройство Ростовского училища. Владыка озаботился образованием детей духовенства с самого своего прибытия в епархию: училище было открыто в сентябре 1702 г. и просуществовало вплоть до сентября 1709 г., когда болезнь Димитрия Савича вкупе с окончательным истощением финансовых средств сделали продолжение занятий невозможными²⁹. Благодаря усилиям и неистощимой энергии свт. Димитрия, в Ростове была создана не просто грамматическая школа, но т. н. «училище повышенного типа», обеспечившего лучшим ученикам полноценную подготовку к поступлению в высшие учебные заведения, — такие, как Славяно-греко-латинская академия в Москве или Могилянская академия в Киеве. Программа предусматривала изучение латинского, церковно-славянского, греческого языков, а также начал богословия, риторики, стихосложения и, вероятно, церковного пения. Возможно, что в качестве своеобразного «краткого курса общей эрудиции» преподавались также начала арифметики, истории и географии, а также этимология и синтаксис, хотя точных сведений на этот счет нет. Программа училища вполне укладывается в те цели, которые достаточно лаконично сформулировал сам владыка Димитрий, а именно — обучение искусству проповеди — в своём послании к духовенству он писал: «во еже бы им разумети силу чтомаго Божественного Писания, да дадут иереи детей своих в училища грамматическия в Ростове, идеже повелением великого государя учат безденежно, для того нарочно, что бы священнические дети не были глупы, да егда вместо отец своих сподобятся священнического сана, умели бы в церкви поучать народ не точию книжным чтением, но и наизустним слова Божия сказанием»³⁰. Тем самым образование получало цель весьма практическую — подготовку искусных проповедников, способных не только зачитывать святоотеческие поучения, но и учить с амвона самостоятельно. Нас же в настоящее время интересует, что же ещё, кроме благонравного поведения и благовествования, считал нужным требовать от священников Ростовский владыка.

Ответ на этот вопрос следует искать в посланиях свт. Димитрия Ростовского к духовенству. Послания эти были написаны по итогам личных посещений приходов, сделанных во время поездок по епархии. Они были предназначены для всех иереев епархии и должны были стать инструкциями для них. Вот

²⁸ Янковска Л. А. Литературно-богословское наследие... С. 310.

²⁹ Зайцева Е. Е. Училище Димитрия Ростовского и начало новой системы религиозного образования в России. Рукопись дипломной работы. М., 2011. С. 158.

³⁰ Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты. М., 2005. С. 221.

как определял содержание посланий сам святитель: «Сия въкратце предложася вам, о иереи, да отселе невежество ваше и небрежение оставляющее, начнете уразумевати подобающий званию вашему путь, и исправите ваше неисправление»³¹. Таким образом, предписания, содержащиеся в посланиях, являются тем минимумом, который свт. Димитрий считал обязательным для всего духовенства.

В посланиях Ростовский митрополит обращается в первую очередь к вопросам совершения священниками таинств и возникающим при этом злоупотреблениям. Первое послание к иереям целиком посвящено совершению таинства Покаяния и духовничеству. Второе послание к иереям посвящено совершению таинства Евхаристии и литургии в целом. Также в конце послания свт. Димитрий предписывает священникам после литургии поучать паству «от святых книг», а после проповеди — разучивать наизусть основные молитвы. В заключение послания свт. Димитрий требует от священников обучать своих сыновей чтению и письму и посылать в Ростовское училище, о чём уже упоминалось.

В проповедях митр. Димитрия Ростовского обличение нерадивого священства смыкается с темой противостояния старообрядцам. Это не случайно, ведь леса Керженца-«Брыни», граничившие с Ростово-Ярославской епархией, были одним из крупнейших центров «старой веры» начала XVIII в., а, как уже говорилось выше, противодействие распространению «раскола» с 1660-х гг. было одной из главных причин, побуждавшей священноначалие обращать внимание на религиозную жизнь приходов. В проповеди в неделю 21-ю по Святом Духе митр. Димитрий Ростовский сожалеет, что приходские иереи не исполняют своей обязанности сеятелей: «должны сеять духовные семена, то есть слово Божие. Но горе окаянному времени нашему, ибо совершенно пренебрегается это сеяние, совершенно оставлено слово Божие»³². Виновны в это равно и пастыри, и паства. Старообрядцев же брынян владыка упрекает в том, что они, подобно неким адским птицам, «поклевали семена Божии», которые уже посеяны были, первое из которых — «не удаляться от святой церкви, но держаться около неё как чадом около матери» (староверы проповедают, что: «Уж ныне церковь не церковь и попы не попы»), второе — причащаться и исповедоваться «часто или хотя бы раз в год» (староверы учат гнушаться «никонианскими» таинствами), третье — состоять в христианском браке (ряд старообрядческих толков отрицает таинство брака)³³. Сквозь обличительный пафос проповеди перед нами вновь вырисовываются те же «столпы» пастырства, что и в посланиях — проповедь и Причастие, к которому готовятся через Исповедь.

Таким образом, наследие свт. Димитрия Ростовского позволяет нам уяснить целостный взгляд Ростовского архиерея на основные обязанности священника. Наиболее важными из них, с точки зрения Димитрия Савича, являются совершение таинства Евхаристии и служение литургии, совершения

³¹ Там же. С. 221.

³² *Димитрий Ростовский, свт.* Сочинения. Т. 2. С. 593.

³³ Там же. С. 595.

таинства Покаяния, связанное с ним духовное руководство, наставление паствы в христианской вере через проповедь. При этом, по мысли владыки, в полной мере свои пастырские обязанности сможет исполнять лишь новое поколение священников, получивших образование в Ростовском училище. Цель обучения — научиться понимать Священное Писание и произносить собственные проповеди, не ограничиваясь чтением вслух из книг. При этом митр. Димитрий Ростовский, следуя православной традиции, не стремится подчеркнуть сословную элитарность клира и не проявляет никакой заботы об обособлении священников от мирян в бытовом отношении; наоборот, Ростовское училище было всесословным.

Таким образом, можно предположить, что воззрения Ростовского владыки на обязанности священника во многом определялись киевской могилянкой традицией, с её преимущественным пониманием иерея как служителя Церкви, воцерковляющего паству через таинства и проповедь, основанную на Писании. Непосредственное католическое влияние на взгляды Димитрия Савича было в данном случае минимально. Особенно любопытно сравнение взглядов свт. Димитрия Ростовского с его великорусским предшественником на Ростовской кафедре — Ионой Сысоевичем. Оба владыки в своих архиерейских посланиях проявляют озабоченность вопросами проповеди, совершения таинств Исповеди и Причастия. Однако если Иона в отношении таинств конкретные рекомендации даёт лишь настоятелям монастырей, а приходским клирикам повелевает лишь не оставлять прихожан без исповеди, то свт. Димитрий обращается к каждому приходскому священнику с подробными инструкциями. Оба архиерея требуют от пастырей произносить проповеди, зачитывая творения Св. Отцов: однако если для Ионы Сысоевича это норма, то для Димитрия Савича — послабление для необразованных, для тех, кто не в состоянии произносить проповеди самостоятельно. Наконец, Иона Сысоевич не мог даже подумать об обучении своих клириков, в то время как свт. Димитрий обязывает иереев отдавать сыновей в новооткрытое училище. Всё это показывает, в чём, при общем сходстве, заключалось отличие архиерея-«реформатора» никоновской эпохи от малоросса-могилянца эпохи начала XVIII в.